

УДК 331.5

Регион: экономика и социология, 2022, № 3 (115), с. 239–261

М.В. Курбатова, И.В. Донова

РЫНКИ ТРУДА РЕГИОНОВ РЕСУРСНОГО ТИПА: ШОКИ 2020 ГОДА

Влияние на рынки труда мер по сдерживанию распространения COVID-19 практически сразу стало предметом особого внимания у исследователей разных стран. Уже в середине 2020 г. появились оценки масштабов и последствий пандемийных шоков как на национальном, так и на субнациональном уровне. В данном исследовании предложено в число шоков, на которые в 2020 г. реагировали рынки труда, включить не только ограничительные меры по сдерживанию распространения COVID-19, но и имеющие самостоятельное значение шоки сырьевых рынков.

Целью статьи является характеристика реакций рынков труда российских регионов ресурсного типа на кризис 2020 г. Эмпирическая база – данные Росстата, характеризующие состояние рынка труда регионов, по месяцам/кварталам 2020 г. в сравнении с соответствующим периодом 2019 г.

Исследование подтвердило, что сработали традиционные механизмы подстройки российского рынка труда, прежде всего гибкость рабочего времени. Государственное регулирование способствовало, с одной стороны, сдерживанию падения занятости и роста безработицы, с другой – увеличению уровня регистрируемой безработицы. В то же время региональные рынки труда по-разному реагировали на шоки 2020 г., что оказалось связано с разным влиянием тех или иных факторов спада, а также с разным воздействием институциональных изменений в регулировании занятости населения. Выявлены различия в реакции на шоки 2020 г. рынков труда регионов ресурсного типа с разным уровнем ресурсной зависимости.

Ключевые слова: российская модель рынка труда; региональные рынки труда; регионы ресурсного типа; COVID-19

Для цитирования: Курбатова М.В., Донов И.В. Рынки труда регионов ресурсного типа: шоки 2020 года // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 3 (115). – С. 239–261. DOI: 10.15372/REG20220310.

В 2020 г. мировая экономика пережила один из наиболее драматичных кризисов, связанный с ограничениями, вводимыми из-за пандемии COVID-19. Однако несмотря на то что в 2021 г. продолжилась как сама пандемия, так и введенные ограничительные меры (хотя и в меньших масштабах), последовало достаточно быстрое восстановление. Можно предположить, что кризис 2020 г. имеет многофакторную природу и не связан исключительно с шоками предложения, обусловленными ограничительными мерами (собственно локдауном и разрывом цепочек производства). Этот кризис, как и любой другой, способствовал решению назревших структурных проблем, а именно переориентации спроса на новые отрасли – IT и фарминдустрию. Другой назревающий структурный сдвиг, связанный с провозглашенным энергопереходом, только начинается, хотя именно падение мировых цен и сокращение производства в нефтегазовой и ряде других добывающих отраслей стали важнейшим фактором спада, – так, добыча полезных ископаемых в РФ сократилась на 7%¹. Данный факт обычно не принимается во внимание при анализе процессов, развернувшихся на рынке труда.

По оценкам Н.В. Зубаревич, при общероссийском спаде промышленного производства за январь–август 2020 г. на 5% в 34 регионах продолжался рост [2, с. 8]. Сделан вывод о том, что региональные различия были обусловлены в основном специализацией, а именно спадом в добывающей промышленности [3, с. 13]. Другие исследования показывают, что в 2020 г. в РФ «половина снижения валовой

¹ См.: *Министерство* экономического развития Российской Федерации. О динамике промышленного производства. Январь 2021 года. – URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/3fd9c6cac43e98899dd5fd072b43a569/20210125.pdf>.

добавленной стоимости в основных ценах (т.е. без учета налогов на продукты) пришлось на добычу полезных ископаемых» [7, с. 182].

Это меняет подход к оценке процессов, происходивших на рынках труда российских регионов. В зависимости от структуры производства, реализуемых инвестиционных проектов и избирательной поддержки отраслей со стороны государства кризис имел разную природу и оказывал различное воздействие на рынки труда. В одних регионах он был связан преимущественно с шоками предложения, с локдаунами, а также с последующим сокращением потребительского спроса и изменением его структуры. В других регионах шоки предложения были компенсированы растущим спросом, в том числе поддерживаемым государством (по Н.В. Зубаревич, благодаря вводу новых производств или увеличению гособоронзаказа). В регионах же ресурсного типа кризис был связан не столько с шоками предложения, сколько с шоками спроса, имеющими происхождение на соответствующих мировых рынках. Разные реакции региональных рынков труда были обусловлены неодинаковым воздействием не только различных факторов спада, но и институциональных изменений в регулировании занятости населения. В зависимости от структуры потенциальной рабочей силы и отраслевой структуры занятости эффекты принимаемых мер влияли на состояние рынков труда с разной силой.

Целью данной статьи является характеристика реакций рынков труда российских регионов ресурсного типа на кризис 2020 г. Мы предполагаем, что пандемический кризис не только стал еще одной проверкой на живучесть традиционных механизмов подстройки российского рынка труда, но и выявил региональные различия этой подстройки, прежде всего для рынков труда регионов ресурсного типа.

Эмпирическая база исследования – данные Росстата о состоянии рынков труда регионов, по месяцам/кварталам 2020 г. в сравнении с соответствующим периодом 2019 г. Такое сопоставление позволяет учесть влияние пандемии 2020 г. одновременно с фактором сезонности в предыдущем, допандемийном году.

РЫНКИ ТРУДА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ПО СДЕРЖИВАНИЮ РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

Меры по сдерживанию распространения COVID-19 почти одновременно во всех странах мира сотрясли рынки труда. Уже с середины 2020 г. стали появляться исследования, в которых количественной оценке подвергались масштабы и последствия пандемийных шоков на национальном и, реже, на субнациональном уровне. В большинстве зарубежных работ авторы констатируют, что март–июнь 2020 г. стали самыми драматичными месяцами либо в целом за всю историю национального рынка труда, либо как минимум со времен Великой рецессии [8; 9]. Помимо невиданной скорости обвала рынков, отмечались и другие особенности кризиса: его глубина, избирательная природа (отраслевая и секторальная неравномерность сжатия спроса на труд), колоссальные риски для благосостояния домохозяйств, неопределенность перспектив восстановления [12]. Неформальный сектор экономики и неформальная занятость определялись как наиболее значимые факторы рисков для работников, особенно в развивающихся странах и странах со слабыми рынками труда [10; 14].

Особый интерес представляют исследования, в которых оцениваются региональные особенности кризиса с учетом неравномерности пространственного развития макрорегионов и отдельных стран. Так, на данных по формальной занятости в Мексике тестируются факторы, которые могут объяснить неоднородность ситуации в разных штатах: многократные последовательные локдауны, динамика заболеваемости и меры поддержки [13]. В масштабном исследовании на материале пяти европейских стран анализируется причинно-следственная связь между COVID-19 и безработицей с учетом как страновых различий, так и структурных сдвигов в экономике [16]. Некоторые исследователи приходят к выводу, что ухудшение состояния рынка труда в отдельных регионах определялось национальной или региональной политикой в меньшей степени, чем собственно показателями заболеваемости в сочетании с повышенной неопределенностью, нарушением цепочек поставок и падением спроса. Делались предположения, что спровоцированные коронавирусами ограниче-

ниями структурные изменения в экономике носят более системный характер, а экономический спад не сменится автоматически ростом сразу после отмены локдаунов [11].

В ряде работ указывается на проблемы с актуальностью данных о параметрах занятости в условиях беспрецедентной скорости изменений пандемической обстановки и ограничительных мер [11; 15]. Российские исследователи также констатируют ограниченность и неоперативность данных о занятости и безработице, дискутируют об их применимости в условиях «ковидной реальности» [1; 5]. Тем не менее для большинства исследователей данные Росстата (помесячные и поквартальные, оперативные и нарастающим итогом) являются важнейшим источником информации.

Ситуация на российском рынке труда подробно освещалась и комментировалась в ряде работ как в начале пандемии, так и в 2021 г. [2; 3]. В исследованиях обращается внимание на отдельные характеристики реакции российского рынка труда, подтверждено избирательное воздействие кризиса, обусловленное отраслевой и секторальной неравномерностью сжатия спроса на труд. Показано, что наиболее пострадала сфера услуг, в первую очередь туристические услуги, общественное питание, гостиничный бизнес, культура и спорт, прочие виды услуг населению, а также авиатранспорт и другие виды пассажирского транспорта [6]. Эта отраслевая и секторальная неравномерность сжатия спроса на труд стала важнейшим фактором и межрегиональных различий.

Отмечается сохранение традиционных для российского рынка труда механизмов подстройки [6, с. 105]: при умеренном сокращении уровня занятости (с 59 до 58%) произошло сокращение рабочего времени на 17% и снижение заработных плат на 3,2% (данные II кв. 2020 г. в сравнении с I кв. 2020 г.). По оценкам Р.И. Капелюшникова, «масштабы количественной подстройки к коронакризису оказались крайне незначительными, – на порядок меньше, чем ценовой или временной подстройки» [4, с. 44]. Сохранению уровня занятости способствовали меры государственной поддержки занятости (субсидии для покрытия расходов на оплату труда, кредитные и налоговые каникулы, снижение ставки страховых взносов, льготное кредитование

для покрытия расходов на оплату труда). Небольшой рост общей безработицы (с 4,6 до 6,0%) сопровождался существенным ростом регистрируемой (с 1,3% в марте до 4,2% в июне 2020 г.). Это оказалось характерным для многих стран, в России же было усилено появлением дополнительных стимулов к регистрации в связи с упрощением процедур получения пособия по безработице и повышением его максимального размера. Источниками взрывного роста регистрируемой безработицы стали не столько те работники, которые потеряли работу в формальном секторе (ранее они составляли основной поток регистрируемых безработных), сколько те, кто никогда не работал официально, был уволен ранее, и неформально занятые работники, потерявшие работу [2, с. 9; 5, с. 29; 6, с. 103–104]. Для этих категорий были сняты преграды для регистрации в качестве безработных.

Таким образом, межрегиональные различия в реакции рынков труда стали и результатом различий в доле занятых в неформальном секторе, а также в объемах потенциальной рабочей силы (соискатели, не готовые приступить к работе, а также не находящиеся в поисках работы лица, потенциально готовые приступить к работе), формального выхода в активность определенной ее части (регистрация в качестве безработных для получения пособия и некоторого роста уровня участия в рабочей силе).

РЕАКЦИЯ РЫНКОВ ТРУДА РЕГИОНОВ РЕСУРСНОГО ТИПА НА КРИЗИС

В данном исследовании используются определение регионов ресурсного типа и выделение их групп, основанные на нечеткой типологизации регионов, на комплексной оценке ресурсной зависимости (по шкале от 0 до 10)². Было выделено 27 регионов ресурсного типа, которые, в свою очередь, по комплексной оценке ресурсной зависимости были разбиты на четыре группы (табл. 1). В первую группу

² См.: Курбатова М.В., Левин С.Н., Каган Е.С., Кислицын Д.В. Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация // *Terra Economicus*. – 2019. – Т. 17, № 3. – С. 8–23.

Таблица 1

Группы регионов ресурсного типа

Группа	Комплексная оценка ресурсной зависимости	Регионы
1. Очень высокий уровень ресурсной зависимости	9,25–10,00	Ненецкий АО, Чукотский АО, Респ. Саха (Якутия), Ханты-Мансийский АО – Югра, Ямало-Ненецкий АО, Магаданская обл., Сахалинская обл.
2. Преобладание добывающих производств над обрабатывающими при средней доле добывающих производств в ВРП	8,13–8,73	Респ. Тыва, Астраханская обл., Амурская обл.
3. Высокий уровень ресурсной зависимости	7,26–7,91	Забайкальский край, Респ. Коми, Томская обл., Оренбургская обл., Иркутская обл., Кемеровская обл.
4. Средний уровень ресурсной зависимости	5,44–6,76	Респ. Татарстан, Респ. Хакасия, Респ. Карелия, Удмуртская Респ., Тюменская обл. без автономных округов, Красноярский край, Пермский край, Мурманская обл., Самарская обл., Курская обл., Белгородская обл.

входят северные регионы, экономика которых очень сильно ориентирована на добывающее производство. Вторая включает регионы, характеризующиеся переходным состоянием, когда растущие/сокращающиеся добывающая промышленность и обрабатывающая промышленность в процессе ввода/выбытия производственных мощностей определяют движение в группы с более высоким/низким уровнем ресурсной зависимости. Третья – регионы с более сложной отраслевой структурой, ориентированные на диверсификацию экономики. Четвертая – регионы, экономика которых диверсифицирована при сохранении ее ресурсной основы.

Как показало исследование рынков труда различных групп регионов³, ресурсная зависимость оказывает некоторое воздействие на параметры рынка труда, но в сочетании с пространственными, демографическими и институционально-организационными факторами. Прямое позитивное влияние ресурсной зависимости на параметры региональных рынков труда наблюдается только для первой группы. Благополучие рынков труда регионов четвертой группы связано с достаточно высоким уровнем их социально-экономического развития. Рынки труда регионов третьей группы по многим параметрам оказываются на уровне, близком к среднему. Рынки труда регионов второй группы в силу своего переходного характера демонстрируют существенную дифференциацию по основным параметрам. Соответственно, и реакция на ситуацию 2020 г. у разных групп регионов оказалась различной.

На состояние российского рынка труда повлиял значительный спад добывающих отраслей⁴. Сокращение добычи угля началось в декабре 2019 г. (на 2,3%), в I кв. 2020 г. оно составило 7,2%, во II кв. – 6,8%. Добыча нефти и газа сокращалась в октябре–декабре 2019 г., рост в I кв. составил 0,8%, падение во II кв. – 10,2%. Существенно сократилась добыча прочих полезных ископаемых, уже в I кв. – на 7,2%, во II кв. – на 30,2%. Спад добывающих отраслей начался до введения в России ограничительных мер, что должно было отразиться в реакции на кризис регионов ресурсного типа.

Центральное место в исследованиях влияния кризиса, обусловленного COVID-19, занимает предположение о решающем воздействии ограничительных мер (режим самоизоляции, пропускной режим, частичное приостановление транспортного сообщения, обязан-

³ См.: Курбатова М.В., Донова И.В. Рынки труда регионов ресурсного типа // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 105–120.

⁴ См.: Министерство экономического развития Российской Федерации. О динамике промышленного производства. Январь 2021 года. – URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/3fd9c6cac43e98899dd5fd072b43a569/20210125.pdf>.

ность использовать средства индивидуальной защиты; приостановка работы предприятий или требование перевода на удаленный режим, введение ограничений на заполняемость культурных учреждений и заведений общепита, отмена публичных мероприятий и ограничение собраний; ограничения на очную работу образовательных учреждений). Сроки введения данных мер, а также уровень контроля за их соблюдением различаются по регионам. Уровень воздействия этих мер зависит от отраслевой структуры региональной экономики. Как показывают исследования, отраслевые ограничения затронули 24,4% занятых в стране. Наибольший уровень ограничений в апреле–мае 2020 г. наблюдался в г. Москве (68,4% занятых), Московской (43%) и Мурманской (37,4%) областях [6, с. 377]. На основе рейтинга регионов по строгости ограничительных мер рассмотрим, оказывала ли влияние принадлежность к регионам ресурсного типа на уровень этой строгости (табл. 2).

По строгости ограничительных мер различий между группами регионов не наблюдалось. В топ-10 регионов по рейтингу строгости в период апреля–мая 2020 г. попало пять регионов ресурсного типа: Удмуртская Республика (3), Республика Саха (Якутия) (4), Республика Татарстан (8), Республика Тыва (9) и Красноярский край (10). Четыре региона оказались в десятке с наименее жесткими ограни-

Таблица 2

Рейтинг строгости ограничительных мер в регионах ресурсного типа, 2020 г.

Группа регионов	Апрель–май	Ноябрь–декабрь
1. Очень высокий уровень ресурсной зависимости	4–81	40–75
2. Преобладание добывающих производств над обрабатывающими при средней доле добывающих производств в ВРП	9–73	20–79
3. Высокий уровень ресурсной зависимости	15–82	24–67
4. Средний уровень ресурсной зависимости	3–83	4–81

Источник: [6, с. 447–455].

чениями: Белгородская (83), Кемеровская (82), Сахалинская (81) области и Ямало-Ненецкий АО (76). В период ноября–декабря 2020 г. регионы ресурсного типа ушли с крайних позиций. В топ-10 регионов по рейтингу строгости не вошел ни один регион из данных групп, в десятке регионов с наименее жесткими ограничениями оказались только Белгородская область (84) и Республика Тыва (79).

Ограничительные меры в исследуемых регионах имеют особенности. Во-первых, на крупных предприятиях, обычно с непрерывным циклом работы, росли издержки, связанные с соблюдением ограничительных мер, но не сокращалась занятость. Во-вторых, на производствах с вахтовой занятостью возникали проблемы заболеваемости в местах расселения вахтовиков. Показателен в этом смысле кейс Ханты-Мансийского АО. Уже в июне 2020 г. произошел рост заболеваемости COVID-19 в пяти небольших городах региона с очагами в «дочках» компании «Газпром». Регион в это время занимал третье место по числу новых случаев инфицирования вслед за г. Москвой и Московской областью. В вахтовых поселках проводилось постоянное тестирование на коронавирус, обеспечивались буферные зоны для изоляции вахтовиков, дополнительные средства вливались в поддержку социальной сферы⁵.

Некоторое воздействие на параметры рынков труда оказали и региональные меры поддержки безработных, введенные в дополнение к федеральным. Это, например, увеличение максимального пособия по безработице (Ханты-Мансийский АО, г. Москва), единовременные выплаты для граждан, признанных безработными (Самарская и Ленинградская области), материальная помощь безработным с детьми до 18 лет за каждого ребенка. Эти меры должны были усилить эффекты роста уровня регистрируемой безработицы, вызванные соответствующими изменениями на федеральном уровне. Рассмотрим более

⁵ См.: В Югре сформирован реестр лучших практик по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции. – URL: <https://depprirod.admhmao.ru/vse-novosti/4391429/>.

подробно динамику параметров рынков труда различных групп регионов (табл. 3).

Рынки труда регионов с очень высокой ресурсной зависимостью отличаются самыми высокими уровнями участия в рабочей силе и занятости, наименьшим уровнем неформальной занятости, низким уровнем безработицы, наиболее высокой заработной платой. В этих регионах следовало ожидать бóльшую реакцию параметров рынков труда на изменения конъюнктуры мировых сырьевых рынков и существенно меньший прирост регистрируемой безработицы.

В 2020 г. рынки труда регионов данной группы продемонстрировали некоторое снижение уровня участия в рабочей силе, наиболее заметное во II кв. (на 1,3 п.п.), более значимое снижение уровня занятости (на 1,5 п.п.) и умеренный рост общей безработицы (до 5,5% в III кв.), фиксируемые с I кв., существенное сокращение продолжительности рабочей недели во II кв. (на 15%), умеренное повышение регистрируемой безработицы с пиком в августе–октябре (до 3,0–3,1%). Рост заработной платы существенно не отличался от ее динамики в других группах регионов, но его торможение началось несколько раньше. Более уязвимыми оказались рынки труда Республики Саха (Якутия) (общая безработица на пике достигала 7,7%, регистрируемая – 6,6%, зарплата по сравнению с соответствующим периодом 2019 г. упала на 1,8%) и Ненецкого АО (уровень занятости снизился на 3 п.п., продолжительность рабочей недели сократилась на 20%, заработная плата уменьшилась на 3,7%). В Ханты-Мансийском АО количество получателей пособий по безработице выросло в 9 раз (явные эффекты региональных мер – увеличение максимального пособия по безработице до 18 195 руб.⁶).

Особенности динамики основных параметров рынков труда данной группы регионов связаны прежде всего с начавшимся еще в конце 2019 г. торможением работы добывающих отраслей. Следует отметить признаки количественного приспособления рынков труда

⁶ См.: *Пособие по безработице в Югре. Кто и на какую сумму может рассчитывать?* – URL: <https://vestniksr.ru/news/30950-posobie-po-bezrabotice-v-yugre-kto-i-na-kakuyu-summu-mozhet-rasschityvat.html> .

Показатели, характеризующие состояние рынков труда

Группа регионов	2019											
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.								
	<i>Участие в рабочей силе</i>											
1	71,7	71,8	72,3	71,9								
2	60,5	59,2	59,9	59,4								
3	60,4	60,6	60,9	61,3								
4	62,6	62,7	62,8	62,9								
Среднее по РФ	–	–	–	–								
	<i>Уровень занятости</i>											
1	68,7	68,2	69,2	68,5								
2	55,3	54,4	55,0	54,7								
3	56,3	56,8	57,2	57,5								
4	59,5	59,8	60,1	59,9								
Среднее по РФ	–	–	–	–								
	<i>Общая</i>											
1	4,3	5,0	4,4	4,9								
2	8,8	8,4	8,5	8,1								
3	6,7	6,3	6,1	6,3								
4	4,9	4,6	4,4	4,8								
Среднее по РФ	–	–	–	–								
	<i>Зарегистрированная</i>											
	Янв.	Февр.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.
1	1,3	1,5	1,6	1,6	1,4	1,3	1,1	1,1	1,0	1,1	1,1	1,2

Таблица 3

регионов с различным уровнем ресурсной зависимости

2020											
I кв.			II кв.			III кв.			IV кв.		
<i>(15 лет и старше), %</i>											
71,4			70,5			71,7			71,9		
59,6			61,8			62,9			61,8		
60,2			60,1			61,3			60,7		
62,3			62,6			63,1			62,4		
61,2			61,2			62,0			61,9		
<i>(15 лет и старше), %</i>											
67,9			66,8			67,8			68,2		
54,8			54,9			55,3			55,1		
56,3			55,2			56,2			55,8		
59,3			58,5			59,0			58,8		
57,6			56,7			57,3			57,5		
<i>безработица, %</i>											
5,0			5,4			5,5			5,2		
8,1			11,2			11,9			10,9		
6,5			8,0			8,4			8,1		
4,8			6,5			6,5			5,7		
5,9			7,4			7,5			7,3		
<i>безработица, %</i>											
Янв.	Февр.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.
1,2	1,3	1,3	1,7	2,2	2,5	2,8	3,0	3,1	3,0	2,8	2,8

Группа регионов	2019											
	I кв.			II кв.			III кв.			IV кв.		
2	2,7	3,0	2,9	2,9	2,8	2,6	2,4	2,4	2,2	2,2	2,3	2,5
3	1,4	1,6	1,6	1,6	1,5	1,4	1,3	1,3	1,2	1,2	1,2	1,2
4	1,1	1,3	1,3	1,3	1,2	1,1	1,1	1,1	1,0	1,0	1,0	1,1
Среднее по РФ	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
<i>Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата</i>												
	Янв.	Февр.	Март	Апр.	Май	Июнь						
1	108,0	106,9	106,6	104,4	104,9	106,1						
2	106,8	108,4	108,8	103,0	113,4	105,7						
3	107,3	106,4	105,8	104,8	105,3	105,0						
4	107,8	107,2	107,1	103,3	104,3	106,6						

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата (см.: Социально-Социально-экономическое положение России – 2020 г. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_01/compendium/document/13265).

к внешним шокам – более значимые сокращение занятости и уменьшение продолжительности рабочей недели. При этом реакция на изменение размеров и правил выплаты пособий по безработице оказалась наименее выраженной.

Рынки труда регионов с преобладанием добывающих производств над обрабатывающими при средней доле добывающих производств в ВВП отличаются самыми низкими уровнями участия в рабочей силе и занятости, самыми высокими уровнями неформальной занятости и безработицы, зарплатой немного ниже среднего уровня. В этой группе следовало ожидать весьма разнородную реакцию входящих в нее регионов, а также наиболее высокий рост уровня регистрируемой безработицы.

Окончание табл. 3

2020											
I кв.			II кв.			III кв.			IV кв.		
2,7	2,9	2,8	4,6	6,6	8,8	11,2	12,4	12,3	11,5	10,2	8,0
1,3	1,4	1,4	2,1	3,2	4,3	5,3	6,1	6,2	5,9	5,2	4,1
1,1	1,2	1,2	2,1	3,0	3,5	4,0	4,2	4,0	3,6	3,2	2,9
1,2	1,3	1,3	2,1	3,2	4,2	5,0	5,6	5,6	5,3	4,8	4,3

работников организаций в 2020 г., % к соотв. мес. 2019 г.

Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.
106,6	105,6	108,2	106,9	106,1	109,9
112,3	108,3	110,2	107,6	106,7	112,2
106,6	105,5	107,1	103,1	103,4	108,0
105,7	104,7	106,1	104,8	104,5	108,1

экономическое положение России – 2019 г. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_01/Main.htm ; Main.htm ; Итоги выборочного обследования рабочей силы. – URL: <https://rosstat.gov.ru/>

В 2020 г. рынки труда данной группы отреагировали отличным от других регионов образом. Во-первых, со II кв. наблюдался рост уровня участия в рабочей силе (на 2–3 п.п.) и занятости – во II кв. при умеренном сокращении продолжительности рабочей недели. Прежде всего на эти показатели повлияла реакция Республики Тывы, где произошел выход населения в экономическую активность – около 10 п.п. (главным образом в безработицу – как общую, так и регистрируемую), уровень занятости вырос на 6 п.п. во II кв. и на 3 п.п. в III кв. Во-вторых, наблюдался самый высокий прирост зарплаты – до 12–13% по отдельным месяцам (в Республике Тыве – в мае и во втором полугодии, в Амурской области – в июле, сентябре и декабре). В-третьих, зафиксирован самый большой рост уровня общей и регистрируе-

мой безработицы (соответственно на пике в III кв. – 11,9% и в августе – 12,4%). Республика Тыва в августе показала рекордные 24,4% регистрируемой безработицы. Таким образом, группа регионов с наименьшим уровнем участия в рабочей силе, наиболее высокой занятостью в неформальном секторе и наименьшей зарплатой наиболее сильно отреагировала как на государственное субсидирование занятости, так и на изменение условий регистрации безработных и размеры пособий по безработице.

Рынки труда регионов с высокой ресурсной зависимостью отличаются уровнями участия в рабочей силе и занятости ниже среднего, уровнем неформальной занятости также немного ниже среднего, более высоким уровнем безработицы, зарплатой немного выше среднего уровня. В 2020 г. рынки труда продемонстрировали небольшое снижение (при небольшом росте в III кв.) уровня участия в рабочей силе, более выраженное сокращение занятости, особенно во II и IV кварталах (на 1,6 и 1,7 п.п. соответственно). Рост начисленной зарплаты существенно не отличался от ее динамики в других группах регионов, но в IV кв. оказался ниже. Рост уровня общей безработицы шел средними темпами и сохранился более высоким в IV кв. (8,1%), уровень регистрируемой безработицы вырос более чем в 4 раза и на пике достиг 6,2%. Наибольшие показатели прироста общей и регистрируемой безработицы отмечены в Томской (общей – в 2 раза), Кемеровской и Оренбургской областях.

Ситуация на ресурсных рынках проявилась в более выраженном сокращении занятости и более затяжном ухудшении ряда параметров рынков труда (до IV кв., когда уже началось восстановление). Большая уязвимость рынков труда данной группы привела также к более сильной реакции на изменение размеров и правил выплаты пособий по безработице, прирост регистрируемой безработицы оказался наиболее высоким.

Рынки труда регионов со средней ресурсной зависимостью отличаются средними уровнями участия в рабочей силе и занятости, уровнем неформальной занятости существенно ниже среднего, самым низким уровнем безработицы, заработной платой немного ниже сред-

него уровня. По изменению параметров рынка труда в 2020 г. эта группа регионов оказалась близка к нересурсным регионам. Наблюдались небольшое снижение (при небольшом росте в III кв.) уровня участия в рабочей силе, умеренное снижение уровня занятости, более значительное сокращение продолжительности рабочей недели во II кв. Рост зарплаты существенно не отличался от ее динамики в других группах. Рост уровня общей безработицы шел средними темпами (на пике во II и III кварталах составил 6,5%), а регистрируемая безработица по сравнению с показателями других групп увеличилась меньше всего (на пике в августе – до 4,2%).

Характеристики регионов этой группы разнородны: с одной стороны – Республика Хакасия (сильный рост безработицы), немногим лучше ситуация в Пермском крае и Республике Карелии; с другой стороны – финансово благополучные Республика Татарстан, Тюменская область и Красноярский край (некоторый рост безработицы при высоких приростах числа получателей пособий). Для данной группы большая диверсификация экономик оказала в целом позитивное воздействие на динамику параметров рынков труда, сглаживая негативное влияние внешних шоков.

Регионы с низким уровнем ресурсной зависимости продемонстрировали обычно описываемую реакцию рынков труда: практически стабильный уровень участия в рабочей силе; некоторое сокращение занятости (на 1,5 п.п.) и рост общей безработицы (на 1,8–2,1 п.п.) во II и III кварталах; значительный рост регистрируемой безработицы (с 1,2% в марте до 5,8% в сентябре); плохую динамику зарплаты (прежде всего в апреле и ноябре во время локдаунов). Данные регионы распределились на несколько кластеров с разными типами реакции на кризис. С одной стороны – столицы и столичные регионы с глубочайшим падением уровня зарплат в апреле–июне и 10-кратным ростом числа получателей пособий по безработице, с другой – республики Северного Кавказа, Республика Крым с выходом населения в состояние экономической активности и еще более высокими, чем в столицах, приростами количества получателей пособий (благодаря накачке федеральными субвенциями [2]). Следует согласиться

с Н.В. Зубаревич, что пандемический кризис в наибольшей степени сказался на крупных городах с развитым сектором услуг и на ресурсодобывающих регионах. При этом одни добывающие регионы оказались в проблемной зоне из-за неблагоприятной ситуации ограничений ОПЕК+ на мировых рынках нефти и газа, другие – вследствие сжатия глобального спроса и сбоя в логистических цепочках, пандемических ограничений.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование показало, что региональные рынки труда по-разному реагировали на шоки 2020 г. В число этих шоков следует включать не только ограничительные меры по сдерживанию распространения COVID-19, но и имеющие самостоятельное значение шоки падения сырьевых рынков. На состояние рынка труда регионов ресурсного типа повлиял спад добывающих отраслей, который начался за один-два квартала до пандемии COVID-19, что проявилось в снижении уровня занятости и умеренном росте общей безработицы, фиксируемых в регионах с наиболее высоким уровнем ресурсной зависимости уже с I кв. 2020 г. Исследование выявило модификацию традиционных механизмов подстройки российского рынка труда: существенную роль сыграла количественная подстройка, прежде всего гибкость рабочего времени; рост безработицы во многом был обусловлен не самим кризисом, а изменением в регистрации безработных и их поддержке.

Реакции рынков труда ресурсных регионов разного типа различаются. При этом уровень ресурсной зависимости не оказывает линейного воздействия. Более устойчивы рынки труда регионов с очень высоким и средним уровнем ресурсной зависимости. Первые – за счет того, что основными работодателями являются крупные сырьевые компании, вынужденные взять на себя затраты, связанные с реагированием на шоки, и обладающие соответствующими ресурсами. Вторые – за счет более диверсифицированной структуры экономики.

Государственное регулирование рынков труда способствовало, с одной стороны, сдерживанию падения занятости и роста общего уровня безработицы, с другой – росту регистрируемой безработицы. Существенные различия в структуре рынков труда разных групп регионов и в их реакциях на шоки являются доводами в пользу усиления роли регионов в регулировании занятости и рынков труда, наделения региональных правительств соответствующими полномочиями. Это требует корректировки подходов российского государства к политике занятости.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00244 «Институциональная организация рынка труда в регионах ресурсного типа»

Список источников

1. Гимпельсон В.Е. Как пандемия повлияла на оценки российской безработицы. – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/06/26/5ef06fef9a79478939a1e832> (дата обращения: 09.12.2021).
2. Зубаревич Н.В. Пандемия и регионы: итоги января-августа 2020 года // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. – 2020. – № 27 (129). – С. 8–12.
3. Зубаревич Н.В. Региональные экономики в 2020 году: пандемия создала проблемы в ресурсодобывающих регионах и крупных городах // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. – 2021. – № 6 (138). – С. 13–16.
4. Капелюшников Р.И. Анатомия коронакризиса через призму рынка труда: препринт WP3/2021/09. – М.: ИД ВШЭ, 2021. – 60 с.
5. Копыток В.К., Кузьмина Ю.В. Безработица времен COVID-19: что могут рассказать административные данные? – М.: ЦПУР, 2020. – 38 с.
6. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. – М., 2020. – 744 с.
7. «Черный лебедь» в белой маске: Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / Под ред. С.М. Плаксина, А.Б. Жулина, С.А. Фаризовой. – М.: ИД ВШЭ, 2021. – 336 с.
8. Bell D., Blanchflower D. US and UK labour markets before and during the Covid-19 crash // National Institute Economic Review. – 2020. – No. 252. – P. R52–R69. DOI: 10.1017/nie.2020.14.

9. *Borland J., Charlton A.* The Australian labour market and the early impact of COVID-19: an assessment // *Australian Economic Review.* – 2020. – Vol. 53, No. 3. – P. 297–324. DOI: 10.1111/1467-8462.12386.

10. *David A.C., Pienknagura S.* On the effectiveness of containment measures in controlling the COVID-19 pandemic: the role of labour market characteristics and governance // *Applied Economics Letters.* – 2021. – Vol. 28, No. 19. – P. 1641–1647. DOI: 10.1080/13504851.2020.1841082.

11. *Forsythe E., Kahn L., Lange F., Wiczer D.* Labor demand in the time of COVID-19: Evidence from vacancy postings and UI claims // *Journal of Public Economics.* – 2020. – No. 189. – P. 1641–1647. DOI: 10.1016/j.jpube.2020.104238.

12. *Groshen E.L.* COVID-19's impact on the U.S. labor market as of September 2020 // *Business Economics.* – 2020. – No. 55. – P. 213–228. DOI: 10.1057/s11369-020-00193-1.

13. *Hoehn-Velasco L., Silverio-Murillo A., Balmori de la Miyar J.* The long downturn: The impact of the great lockdown on formal employment // *Journal of Economics and Business.* – 2021. – Vol. 115 (C). – 105983. DOI: 10.1016/j.jeconbus.2021.105983.

14. *Lee S., Schmidt-Klau D., Verick S.* The labour market impacts of the COVID-19: a global perspective // *The Indian Journal of Labour Economics.* – 2020. – No. 63. – P. 11–15. DOI: 10.1007/s41027-020-00249-y.

15. *Shuai X., Chmura C., Stinchcomb J.* COVID-19, labor demand, and government responses: evidence from job posting data // *Business Economics.* – 2021. – No. 56. – P. 29–42. DOI: 10.1057/s11369-020-00192-2.

16. *Su C., Dai K., Ullah S., Andlib Z.* COVID-19 pandemic and unemployment dynamics in European economies // *Economic Research – Ekonomika Istraživanja.* – 2021. – No. 5. – P. 1–13. DOI: 10.1080/1331677X.2021.1912627.

Информация об авторах

Курбатова Маргарита Владимировна (Россия, Красноярск) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-учебной лаборатории экономики природных ресурсов и окружающей среды Сибирского федерального университета (660041, Красноярск, просп. Свободный, 79). E-mail: kurbatova-07@mail.ru.

Доновна Инна Вениаминовна (Россия, Кемерово) – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента им. И.П. Поварича Кемеровского государственного университета (650000, Кемерово, ул. Красная, 6). E-mail: idonova@gmail.com.

DOI: 10.15372/REG20220310

Region: Economics and Sociology, 2022, No. 3 (115), p. 239–261

M.V. Kurbatova, I.V. Donova

**LABOR MARKETS IN RESOURCE-TYPE REGIONS:
SHOCKS OF 2020**

The impact on labor markets of measures to contain the spread of COVID-19 almost immediately became the subject of increased attention to researchers across the globe. Already in mid-2020, analytical materials emerged estimating the magnitude and consequences of pandemic shocks at both the national and subnational levels. In this paper we propose that the shocks that labor markets responded to in 2020 should include not only restrictive measures to curb the spread of COVID-19 but also shocks of independent significance to the fall of several commodity markets.

The purpose of the article is to characterize the reactions of the labor markets in Russian resource-type regions to the crisis of 2020. We used Rosstat data as empirical basis to present regional labor markets by months/quarters of 2020 as compared with the corresponding period in 2019.

This study confirms that the Russian labor market has responded with traditional adjustment mechanisms, primarily flexible working hours. Their regulation by the state, on the one hand, helped curb the decline in employment and the growth of ILO unemployment rate, while, on the other hand, registered unemployment rose. At the same time, regional labor markets reacted differently to the 2020 shocks. This was due to the different impact of various recession factors, as well as to the different impact of institutional changes in the regulation of employment. The study revealed differences in the response to the 2020 shocks in the labor markets of resource-type regions with different degrees of resource dependence.

Keywords: Russian labor market model; regional labor markets; resource-type regions; COVID-2019

For citation: *Kurbatova, M.V. & I.V. Donova. (2022). Rynki truda regionov resursnogo tipa: shoki 2020 goda [Labor markets in resource-type regions: shocks of 2020]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (115), 239–261. DOI: 10.15372/REG20220310.*

This research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 19-010-00244 “Institutional setup of the labor market in resource type regions”

References

1. *Gimpelson, V.E.* (2020). Kak pandemiya povliyala na otsenki rossiyskoy bez-rabotitsy [How the pandemic affected the estimates of Russian unemployment]. Available at: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/06/26/5ef06fef9a79478939a1e832> (date of access: 09.12.2021).
2. *Zubarevich, N.V.* (2020). Pandemiya i regiony: itogi yanvarya-avgusta 2020 goda [Pandemic and regions: January-August 2020 takeaway]. Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii. Tendentsii i vyzovy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya [Monitoring of Russia’s Economic Outlook: Trends and Challenges of Socio-Economic Development], 27 (129), 8–12.
3. *Zubarevich, N.V.* (2021). Regionalnye ekonomiki v 2020 godu: pandemiya sozdala problemy v resursodobyvayushchikh regionakh i krupnykh gorodakh [Regional economy in 2020: the pandemic has created problems in resource-producing regions and large cities]. Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii. Tendentsii i vyzovy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya [Monitoring of Russia’s Economic Outlook: Trends and Challenges of Socio-Economic Development], 6 (138), 13–16.
4. *Kapelyushnikov, R.I.* (2021). Anatomiya koronakrizisa cherez prizmu rynka truda [The Anatomy of the Corona Crisis Through the Lens of the Labor Market Adjustment]. Preprint WP3/2021/09. Moscow, Higher School of Economics Publ., 60.
5. *Kopytok, V.K. & Yu.V. Kuzmina.* (2020). Bezrobotitsa vremen COVID-19: chto mogu rasskazat administrativnye dannye? [Unemployment in Times of COVID-19: What Administrative Data Can Tell?]. Moscow, Center for Advanced Governance, 38.
6. *Obshchestvo i pandemiya: opyt i uroki borby s COVID-19 v Rossii* [Society and the Pandemic: Experience and Lessons from the Fight against COVID-19 in Russia]. (2020). Moscow, 744.
7. *Plaksin, S.M., A.B. Zhulin & S.A. Farizova* (Eds.). (2021). “Chernyy lebed” v beloy maske: Analiticheskiy doklad NIU VSHE k godovshchine pandemii COVID-19 [“Black swan” in White Mask: Analytical Report of HSE University on the First Anniversary of COVID-19]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 336.
8. *Bell, D. & D. Blanchflower.* (2020). US and UK labour markets before and during the Covid-19 crash. National Institute Economic Review, 252, R52–R69. DOI: 10.1017/nie.2020.14.
9. *Borland, J. & A. Charlton.* (2020). The Australian labour market and the early impact of COVID-19: an assessment. Australian Economic Review, Vol. 53, No. 3, 297–324. DOI: 10.1111/1467-8462.12386.

10. *David, A.C. & S. Pienknagura.* (2021). On the effectiveness of containment measures in controlling the COVID-19 pandemic: the role of labour market characteristics and governance. *Applied Economics Letters*, Vol. 28, No. 19, 1641–1647. DOI: 10.1080/13504851.2020.1841082.

11. *Forsythe, E., L. Kahn, F. Lange & D. Wiczer.* (2020). Labor demand in the time of COVID-19: Evidence from vacancy postings and UI claims. *Journal of Public Economics*, 189, 1641–1647. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2020.104238.

12. *Groshen, E.L.* (2020). COVID-19's impact on the U.S. labor market as of September 2020. *Business Economics*, 55, 213–228. DOI: 10.1057/s11369-020-00193-1.

13. *Hoehn-Velasco, L., A. Silverio-Murillo & J. Balmori de la Miyar.* (2021). The long downturn: The impact of the great lockdown on formal employment. *Journal of Economics and Business*, 115 (C), 105983. DOI: 10.1016/j.jeconbus.2021.105983.

14. *Lee, S., D. Schmidt-Klau & S. Verick.* (2020). The labour market impacts of the COVID-19: a global perspective. *The Indian Journal of Labour Economics*, 63, 11–15. DOI: 10.1007/s41027-020-00249-y.

15. *Shuai, X., C. Chmura & J. Stinchcomb.* (2021). COVID-19, labor demand, and government responses: evidence from job posting data. *Business Economics*, 56, 29–42. DOI: 10.1057/s11369-020-00192-2.

16. *Su, C., K. Dai, S. Ullah & Z. Andlib.* (2021). COVID-19 pandemic and unemployment dynamics in European economies. *Economic Research – Ekonomiska Istraživanja*, 5, 1–13. DOI: 10.1080/1331677X.2021.1912627.

Information about the authors

Kurbatova, Margarita Vladimirovna (Krasnoyarsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher at the Scientific and Educational Laboratory of Economics of Natural Resources and the Environment, Siberian Federal University (79, Svobodny av., Krasnoyarsk, 660041, Russia). E-mail: kurbatova-07@mail.ru.

Donova, Inna Veniaminovna (Kemerovo, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor at the Povarich Department of Management, Kemerovo State University (6, Krasnaya st., Kemerovo, 650000, Russia). E-mail: idonova@gmail.com.

Поступила в редколлегию 15.12.2021.

После доработки 31.03.2022.

Принята к публикации 04.04.2022.

© Курбатова М.В., Донова И.В., 2022